

Пролог

Она видела сны.

Среди бархатной тьмы высились скалы,
что терялись среди облаков. Вокруг скал бушевал океан,
и от его рокота содрогался мир. Волны чёрные,
с белой пеной, вздымались до небес,
и ветер Смерти летел к Свету...

Она видела, как отчалили корабли
и ледяные ветры наполнили их паруса.

Она чувствовала пронзающий душу ветер вечной печали —
его холод обжигал, будто огонь Юга.

Невыносимая боль утраты обратилась пламенем,
и она увидела, как на далёком Севере, где воды океана
сковало ледяное дыхание Неяви, был разрушен
Мёртвый Град. Осколки хрустальных теремов
парили над бездонным зевом Колодца.

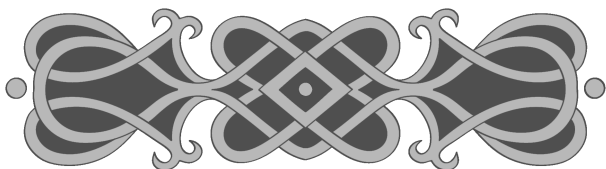
Во тьме Колодца, на той стороне, подле могучего
чёрного Дуба покоился гроб из хрусталя,
что хранили чёрные как ночь птицы.

В гробу она увидела себя, скованную цепями холода.

Её сон хранила Песнь — едва различимая,
но совсем настоящая. Внимая музыке,
она не слышала печального шёпота Ветра, что пытался
разбудить её, — она засыпала мёртвым сном,
и Тьма принимала её в свои объятия.

ЧАСТЫ
ТЬМА
СГУЩАЕТСЯ

ГЛАВА 1

Дочь Леса

Едва слышимая песнь затмила бытие серебряным сиянием, и когда свет померк, Марья увидела мир: благоухающий, окрашенный первыми красками осени лес. Солнечные лучи водопадами струились сквозь ещё густые кроны, лёгкий ветерок качал ветви, и деревья шептались. Звонко пели птицы — чудесное многоголосье разливалось по ароматному воздуху.

Марья закрыла глаза и вдохнула полной грудью: она чувствовала сладковатый запах подвявшей листвы, сырой земли, грибов, поздних осенних цветов, мха... Запахи наполняли её, они были живыми, как и она сама. Русалка медленно и глубоко дышала, внимая силе Света, что пронзала весь лес. И с каждым вдохом отступали тянущая печаль и сухая злость, одолевавшие избравших путь Неяви, с каждым вдохом дух Марьи всё больше пробуждался от тяжёлого сна, а тело наполнялось крепостью.

— Какая благодать! — прошептала Марья и открыла глаза. — Как же чудесен Свет!

Дрозд, щебеча, кружил вокруг русалки.

— Да-да, — кивнула ему Марья и посмотрела на свой тояг, бубенцы которого тихо качнулись. — Я помню, зачем я здесь. Не переживай, птица, я вернусь за Светозаром, как и обещала, — улыбнулась русалка и оглядела себя. Теперь её тело было настоящим, с сияющей кожей без ожогов; Марья осмотрела свои локоны, что нынче светились медью в солнечных лучах.

Дрозд прощептал вновь и опустился на тояг.

— Соглашусь, одеяние из хвои неуместно для Великого Вече, но другого у меня нет, поэтому отправляюсь так, — усмехнулась Марья и направилась по лесу. Деревья и кустарники с почтением убирала ветви перед дочерью Леса. Марья ступала неслышно, едва касаясь земли босыми ногами. — Тут недалеко есть маленькая полянка, с неё выйдем на заморожённую тропу и прибудем на Вече вовремя, — говорила Марья Дрозду, что, вспорхнув с тояга, полетел впереди.

10 Великая Поляна располагалась на границе Северной и Южной Тайги, там, где Белая река, не доходя до Русалочьего озера, превращалась в звонкий ручеёк и сливалась с лесом. Просторное поле, обнесённое древним частоколом, окружённое непроходимым бором, — только лесные народы — лешие, вилы да берегини — могли найти заветное место, скрытое ворожкой от посторонних глаз и служителей Мора.

Сердце Марьи забилося сильнее, когда впереди по обеим сторонам наврождённой тропы сквозь туман проступили мощные деревянные столбы врат, ведущих на Великую Поляну. Ставший серебряным Дрозд летел перед русалкой, освещая дорогу и тёмный непроходимый лес, терявшийся в звенящей тишине Царствия Индрика.

Перед вратами Марья остановилась: высокие брёвна покрывали древние руны и тускло светящийся мох; пространство между ними мерцало ажурным кружевом ворожки.

— Нам пора, дочь Леса. — Дрозд закружил вокруг Марьи. — Хорс вот-вот опустится в Нижний Мир, и начнётся Вече.

— Подожди, птица, — прошептала русалка и тяжело вздохнула, опершись на тояг. Дрозд опустился на посох Марьи. — Страшно мне вот так в Свет явиться. Чувствую теперь, будто вновь человеком стала. И страх, и боль, и обиду, и радость, и... — тут Марья запнулась, вспомнив о Светоза-

ре. От мысли о том, кем он теперь стал, сжималось даже её мёртвое сердце. И она была в том виновата — из-за неё погиб сварогин, в душе которого был настоящий свет. — Знаешь, птица, — вновь обратилась к Дрозду Марья, — когда ты живёшь во мраке, все чувства мертвы и всё видится иначе. Даже тлеющие угли собственного света — смотришь на них со стороны, а душа молчит. Вот что делает нас мёртвыми — бесчувствие. Чувства же — буря, и я не могу к ней привыкнуть.

— Привыкай, Марья, — пропел Дрозд, — но быстро. Времени у нас нет. Поступок Светозара не должен быть напрасным.

Русалка хмуро посмотрела на Дрозда.

— Я спасу его, птица, — ледяным тоном сказала она. — Я не смогу быть берегиней с таким камнем на сердце.

— Только сначала, как обещала, спаси Лес. — Дрозд указал крылом в сторону врат и вспорхнул. — Нам пора.

Марья кивнула, вздохнула и зашептала: теперь ей было ведомо Слово Леса, как его дочери. И, вторя шёпоту русалки, ворожба, хранившая древние врата, осыпалась мхом, открывая взору Великую Поляну.

Перед Марьей предстало огромное поле, освещённое жёлто-зелёными огнями; медно-алое небо заката покоилось в ажурной оправе далёкого леса. Марья замерла в нерешительности: Великая Поляна была оживлена — и лешие, и берегини, и вилы явились на Вече. Подле врат, в которых стояла русалка, тёк тоненький ручеёк — Белая река сливалась с лесом, Русалочье озеро осталось далеко в чаще.

Дрозд прошептал, и Марья, решившись, прошла между брёвен-врат. Как только русалка ступила на жухлую траву Великой Поляны, наворожённая тропа позади неё исчезла, а ближайшие к частоколу лешие обернулись и ахнули.

— Русалка?! — удивился маленький полевик, невольно пятясь назад. — Как так-то?

— Какая русалка? — отозвалось из толпы.

— К нам пожаловала нечисть! — рыкнул один из емаганов, грозно потрясая копьём.

Толпа волновалась, лешие рычали, берегини возмущались, а вилы тихо шептались.

Марья остановилась, крепче сжав тояг; Дрозд кружил над её головой.

— Как ты смеешь? — из толпы вышла берегиня. Сохатая наклонила голову набок и хмуρο посмотрела на русалку. — Неужели Тьма теперь и в Царствии Индрика обитает? И что тебе надобно, мёртвая?

— Я такая же мёртвая, как и ты, рогатая, — с вызовом ответила Марья, гордо вздёрнув подбородок. Берегиня ахнула; толпа за ней ещё больше оживилась. Несколько стоящих поодаль вил взмахнули прозрачными крыльями. — Если ты, дева Леса, обратишься к своему Духу, а не к гневу, то почувешь, что я — дочь Леса. — Марья кивнула на тояг.

Берегиня недоверчиво окинула взором русалочий посох, посмотрела на Дрозда, шагнула к Марье ближе и, шумно втянув носом воздух, закрыла глаза.

— Правду говоришь, — медленно протянула и вновь взглянула на хмурую русалку. — Какую душу Мору вместо себя отдала?

Дрозд, закружив над берегиней, сердито прощелбетал.

12

— Не отдавала я Топи душ, — прищурилась Марья, и берегиня отпрянула. — Светозар по своей воле меня вызволил, ради спасения Леса. Ведь грядёт война великая, вот ради чего Вече собралось.

— Неясное молвишь, — оцетинилась берегиня и зашептала, но Марья, стукнув тоягом оземь, прервала её ворожбу.

Сердце русалки захлестнула холодная обида: раньше люди её не принимали, а теперь и Лес, что она спасти должна, не жалует!

— Отойди с дороги, сохатая, — сказала Марья и медленно пошла вперёд вдоль ручья. Берегиня, недоверчиво взирая на Марью, отступила. — Вы все расступитесь! — сдерживая гнев, повелела русалка лешим, и те, глухо переговариваясь, освобождали путь деве с лесным тоягом, бубенцы которого тихо и мягко перестукивали.

Марья, гордо подняв голову, медленно шла сквозь толпу, расступавшуюся перед ней, Дрозд летел следом; еловое одеяние Марьи тихо шелестело, по серебряной воде ручейка стелился серебристый туман. Холодные взгляды сторонивше-

гося нави лесного народа леденили душу русалки, обида по-
лыхала пламенем, но Марья, вспомнив о Светозаре, отогнала
безрадостные думы.

Лешие с рыком отошли, и взору Марьи предстало сердце
Великой Поляны: древние деревянные столбы окружали си-
девших на брёвнах старейшин леших, крылатых златовласых
вил и сохатых берегинь. Подле большого костра на деревян-
ных, покрытых мхом, грубых тронах расположились князья
леших, великие берегини и вилы. Ручеёк Белой реки уходил
в землю подле огня. Отсветы жёлто-зелёного пламени пляса-
ли на плащах и тоягах правителей лесных княжеств; шерсть
леших отражала свет, а рога берегинь, как и полупрозрачные
крылья вил, тихо мерцали. На спинках тронов позади леших
сидели птицы, как догадалась Марья — проводники.

Русалка невольно замедлила шаг: её взор упал на малень-
кого седого полевика, восседающего на троне, гораздо больше
его самого; на лешем была человеческая одежда: штаны, ону-
чи и лапти; на льняную рубаху, перехваченную алым поясом,
накинут зелёный плащ. Жёлтые глаза лешего смотрели на Ма-
рью пристально; на спинке его трона сидел белый филин.

Русалка с трудом отвела взгляд от полевика: она шла меж-
ду брёвен, на которых сидели старейшины, и со всех сторон
слышался холодный, будто ветер Неяви, шёпот:

- Навь... навь из Царствия Индрика пришла!
- Неужели Тьма наводнила и Небо Индрика?
- Чей у неё тояг?
- Кого она умертвила?
- Зачем явилась?

Марья, не дойдя до престолов, резко остановилась. Русал-
ка тяжело дышала, сдерживать гнев становилось всё труднее:
как же она отвыкла быть живой! Великий Индрик! Какое же
это мучение!

— Он погиб, спасая вас! — воскликнула Марья, не вы-
держав. На Великой Поляне воцарилась тишина. Даже жёлто-
зелёное пламя перестало трещать. Марья расправила плечи
и оглядела собравшихся. — Он не меня спасал, а вас! — по-
вторила русалка громко, и Дрозд, чирикнув, сел на тояг. —
Потому что только мы, русалки, сможем затушить стену ог-

ня, что погубит Лес зимой! Только кровью своей — мёртвой водой — мы сможем потушить огонь Хорохая!

— Какой огонь? — раздалось из толпы, окружавшей скамьи.

— Огонь зимой?! Морок решила наслать, нечистая, да? — гневно вопрошал ещё кто-то.

— Что случится с Лесом? — спросила сидевшая недалеко от Марьи вила. Русалка посмотрела на крылатую деву с золотыми волосами, облачённую в шёлковый плащ.

— Грядёт война, — сказали позади, и Марья обернулась: тот самый в человеческой одежде полевик, хмуро глядя на русалку, говорил: — Война всего Света. Ради этого я созвал Великое Вече, — слова лешего прокатились над Великой Поляной и сгустились тишиной. — Только твоей, русалка, крови не хватит, чтобы остановить грядущее, — добавил полевик печально.

— Моей — нет, — покачала головой Марья и медленно пошла к лешему. Дрозд вспорхнул с тояга и опустился на плечо русалке. Сидевшая рядом с полевиком берегиня внимательно смотрела на Марью. — Но если соберутся русалки со всей Тайги, с Северной и с Южной, мы одолеем огонь Юга.

14

Леший усмехнулся.

— И кто их соберёт? Тебе одной такое не по силам.

— Ты, княже, и Светозару так сказал, верно? — прищурилась Марья, и взгляд лешего налился темнотой. — Ты — князь Дреф, так? — спросила она, остановившись напротив князя Йолка.

Полевик кивнул.

— Ты ошибся, княже, — гордо проговорила Марья, и её окружил шёпот собравшихся на Вече, но русалка не вняла ему. — У Светозара получилось.

— Я вижу, — сухо сказал Дреф.

— И у меня получится, — уверенно ответила русалка, и Дрозд на её плече согласно пропел. — Я спасу Лес, а затем вернусь в услужение к Топи, как и обещала Светозару. — Марья поклонилась Дрефу и отступила назад. — Ибо только так я смогу искупить вину за то, что сама себя погубила.

Дреф продолжал хмуро смотреть на Марию; по Великой Поляне летал встревоженный шёпот.

— Что же стало со Светозаром? — прошептал кто-то, и Мария обернулась: на ближайшем бревне сидела высокая рыжая гаркунка и печально смотрела на русалку. На тояге гаркунки сложила крылья Свиристель.

Рядом с лешей расположились высокий юный белый ел-маган, птицей-проводником которого был Воробьиный Сыч; гаркун с помощником-Кедровкой; маленький светло-бурый полевик, на навершии тояга которого чистил пёрышки красноватый Щур, и взрослый бурый бородатый гаркун — лешие внимательно смотрели на Марию, как и остальные собравшиеся на Вече.

— Светозар в плену у Топи вместо меня, — ответила Мария, и гаркунка прикрыла ладонью рот. Взволнованный шёпот стал громче. — Сын Леса спас меня ради вас. Светозар всей душой любит Лес, любит каждого из вас, — русалка обвела взглядом леших, вил и берегинь. — Я прежде не встречала сварогины, в душе которого было бы столько света. Даже зная, что вы отвернётесь от него, он пожертвовал собой ради вас. — Мария вновь обернулась к Дрефу.

— Я знаю, — ответил князь Йолка. — Но я не мог благословить Светозара на поступок, который угрожал погубить весь Свет.

— Поэтому я не спрашиваю твоего благословения, княже, — ответила Мария, и Дреф нахмурился. — Хотя я теперь и дочь Леса, но, как русалка, свободна. Я пришла на Вече, чтобы сказать вам о том, что я соберу русалок и мы потушим огонь. — Мария легонько поклонилась Дрефу.

Взволнованный шёпот превратился в смятение: дети Леса тревожно переговаривались. Мария чувствовала холод, витавший над Великой Поляной: многие ей не верили, считая её речи обманом. Дрозд взлетел с плеча русалки и закружил над нею.

— Ты полагаешь, будто сможешь справиться сама? — мягко удивилась сохатая берегиня, сидевшая рядом с Дрефом, и русалка на неё посмотрела. — Какими бы благими твои намерения ни были, — берегиня положила на серд-

це руку, — без единства душ детей Леса ты их не осуществишь.

— Получилось у Светозара, получится и у меня, — гордо вскинула подбородок Марья.

— Почему ты даже не просишь нашей помощи? — удивилась берегиня. — Только потому, что тебе не верят? — вопрошала сохатая, и русалка хмурилась. — Может, стоит обратиться к душам детей Леса, чтобы они поверили твоему свету? Как же ты навий собралась пробуждать, раз с нашей тьмой справиться не можешь?

Марья, тяжело дыша, гневно взирала на берегиню.

— Каждая навь мечтает обратиться к Свету, — прошелестела русалка. — Вы же в Свету живёте, оттого не видите его.

— Спорить можно долго, — пробасил восседавший по другую лапу Дрефа седой с древесными глазами гаркун, и на Поляне вновь воцарилась тишина. — Ты явилась до того, как мы успели поведать Вече о том, зачем собрались, — продолжал леший, и его птица — Глухарь — наклонила голову набок, рассматривая Марью. — Может, после того как великий князь Дреф передаст всему Вече видение Светозара, которое его бывший ученик являл ему, мы поверим тебе.

— Благодарю, Ахр, — кивнул, положив лапу на сердце, Дреф и посмотрел на Марью. — Я поведаю всем видение Светозара, и потом мы ещё раз выслушаем тебя.

Марья отошла в сторону, и Дрозд опустил на её тояг. Собравшиеся на Вече беспокойно оживились: многие не были согласны с Дрефом, но никто не смел открыто перечить древнейшему лешему Тайги.

— Великая Миродрева, — обратился Дреф к сидящей рядом с ним берегине, — добавьте своё Слово к моему.

Сохатая легонько поклонилась и взяла маленькую лапу князя; другой лапой Дреф взял лапу ведая Ахра, тот — сидящего на соседнем троне грозного елмагана в зелёном плаще, накинутом поверх одеяния из вывороченных шкур. Расположившаяся рядом с елмаганом крылатая серебровласая вила в сарафане и шёлковом плаще робко вложила ладонь в лапу лешего и кивнула Марье, подзывая её к себе.

Марья нерешительно подошла к виле и протянула ей ру-

ку. Когда вила взяла ладонь русалки, та ощутила невероятное тепло, согревшее умиротворением дух. Когда-нибудь и Марья научится тому же — когда спасёт Лес и Светозара. Если позволит Топь... Но мягкое касание прервало безрадостные думы, и Марья обернулась: молодая рыжая лешая, которая спрашивала её о Светозаре, стояла рядом, протягивая ей ладонь, и Марья взяла мягкую и горячую ладонь гаркунки.

Когда все присутствующие на Великой Поляне взялись за руки, Дреф закрыл глаза и зашептал. Маленького князя окружило мерцающее зелёным кружево слов, что тихой песнью поднималось над Великой Поляной, оплетая детей Леса. Нежная мелодия, в которую превращался шёпот Дрефа, разливалась по миру, застывая его.

Марья не могла противиться тихому велению и закрыла глаза. За закрытыми веками русалка увидела пронзительное голубое небо над бескрайней пустыней, простиравшейся до великих гор; видела орду, преодолевшую эти горы и захватившую ближайšie к ним города сварогинов; видела, как великий огонь колосаев разливался по северным просторам, возжигая всё новые земли; видела, как будущей зимой грянула суровая битва, и стена испепеляющего пламени двинулась на лес...

17

Когда видение померкло, душу сковала тёмная печаль: в видениях Мора, что являлись Марье в плену у Топи, не было той неизбежности, что сквозила в предостережении живых — мёртвые не чувят мир так явно.

Русалка открыла глаза и осмотрела собравшихся на Вече детей Леса: дух каждого опутал тёмный страх. Державшая руку Марьи гаркунка отпустила её ладонь и села.

Вечернее небо наливалось густой синевой, и огни Великой Поляны светились ярче в воцарившейся тишине, играя на высоких древних столбах, одеждах собравшихся, отражаясь во взволнованных глазах.

— Если видение правдиво, — тихо прорычал сидящий на троне могучий елмаган, — даже объединение народов Леса может не спасти...

Тишина подёрнулась возгласами: теперь дети Леса обсуждали явленное, и оно пугало их.

— Война в Свету! — слышались тихие слова.

— Неужели Индрик позволит подобное?

— Пало Слово Гор!

Князь Дреф стукнул тоягом оземь, и голоса стихли.

— Объединение — единственное, что может нас спасти, князь Йергал, — ответил Дреф и обратил взор на Марью. — И та, кто добровольно обратилась к Свету, может нам в этом помочь.

Марья удивлённо посмотрела на полевика, слова которого ещё больше взволновали Вече.

— Учитель, разве она пришла к Свету добровольно? — уточнил молодой белый елмаган, сидевший на скамье рядом с рыжей гаркункой. — Разве не Светозар ей в том помог, отдав свою душу Топи платой за её свободу?

Слова елмагана поддержали многие: лешие согласно переговаривались.

— Айул, Марья пришла к Свету добровольно, иначе бы Светозар не смог спасти её. Привести к Свету, как и спасти без желания духа, никого нельзя, — мягко, но властно отвечал Дреф, и голоса собравшихся стихли. — Светозар спас Марью по своей воле. Сын Леса, невзирая на мой запрет, добровольно отправился к Топи и вызволил русалку, отдав за неё свою душу. Будем благодарны Индрику за то, что у сварогина получилось пройти испытание Леса.

— Испытание Леса? — ахнула рыжая гаркунка. — Что вы говорите?

— Лес даровал Светозару суровое испытание, Иванка, — печально ответил Дреф, и Марья не поверила своим ушам. — Не у каждого хватило бы сил и воли пройти его. И когда Светозар попал в плен к русалкам, когда его искушали оборотни-мавки, я испугался того, что у него не получится. — Дреф немного помолчал и, обратив взор на Марью, проговорил: — Поэтому я и запретил сыну Леса следовать за тобой, Марья. Если бы он не прошёл своё испытание, если бы не справился со своей тьмой, Тьма завладела бы и Светозаром, и Царствием Индрика, и Светом.

Растерянная Марья молча смотрела на Дрефа: русалка не ожидала услышать подобное.

— Отвратить неизбежное нельзя, — сказала Миродрева, и Марья взглянула на берегиню. — Даже суровое испытание.

— Суровые испытания ведут к великим переменам, — прохрипел ведай Ахр.

— Это испытание дано не только Светозару, — нараспев промолвила вила, восседавшая на троне рядом с Йергалом. — Оно ниспослано всем нам — всему Лесу и всему Свету. И только объединившись, мы сможем пройти его, — вила перевела взгляд на Марью. — Вилы помогут тебе, мёртвая дева, вести своих сестёр к Свету, дабы спасти Лес. — Крылатая дева положила на сердце тонкую руку и легонько поклонилась Марье.

Над Поляной холодным шёпотом пронеслось удивление.

Поражённая услышанным Марья поклонилась виле, Дрозд на тояге русалки согласно пропел.

— Светолика, великая вила Лесограда, готова помочь тебе, Марья, — обратилась к русалке Миродрева, и Марья подняла на неё взор. — Хоть обида не покинула твою, русалка, душу, я вижу — ты честна с нами, и ты действительно желаешь спасти и Лес, и Светозара.

Марья, положив руку на сердце, кивнула великой берегине.

— Я желаю того больше всего на свете. Хоть тьма и гложет моё сердце, духом завладеть я ей не дам. Птица знает, — русалка взглянула на пропевшего в ответ Дрозда.

Миродрева кивнула.

— Берегини помогут тебе, дочь Леса, — положила на сердце руку она.

Удивление, летавшее среди огней во тьме Поляны, окрасилось тихим негодованием: не все были согласны с решениями древнейших детей Леса. Толпа, собравшаяся за спинами старейшин, оживилась.

— Русалка может нас предать! — воскликнул кто-то.

— Ещё как может! И заморозить.

— Да, заморозить, и глазом моргнуть не успеешь!

Марья обернулась на Вече: несмотря на то что некоторые уже смотрели на русалку без злобы, были те, кто взирал на

неё с нескрываемым гневом и холодом. И таких — и леших, и вил, и берегинь — было немало.

— Я полагаю, надо довериться воинской силе, а не тёмной ворожбе умертвия, — грозно прорычал со скамьи воинственный белый емаган — воевода Йолка Ледогар. Лешие поддержали его; многие вилы, как и берегини, кивали его словам.

— Да, топор, копьё и меч — наши самые надёжные помощники, — пробасил восседавший на троне князь града леших Ольха — емаган Йергал. — Куда надёжнее ворожбы русалок.

— И как ты, княже, собрался воевать с огнём? — обратился к Йергалу Дреф. — Перед пламенем воины бессильны. — Дреф обвёл взглядом Вече. — Сокрушить ворожбу может только ворожба, и смертельный огонь потушит только мёртвая вода.

— Главное, чтобы мёртвая вода нас не погубила, — заметил старейшина Славол, сидевший недалеко от йарей Дрефа.

— Согласен, — рыкнул Йергал.

20

Вилы, русалки и лешие — многие из них, видела Марья, кивали словам седого бородатого гаркуна: несмотря на веление древнейших, дух Вече пронизывали и страх, и неверие, и беспокойство.

Ночь сгустилась, и пламя костра, подле которого собралось Вече, устремлялось к украшенному серебряными звёздами небу. Треск огня сливался с взволнованными голосами собравшихся.

— Я сама себя погубила, когда в огонь ступила, вот и стала навью, — проговорила Марья громко, и голоса стихли. — Топь забрала меня в услужение против воли — я не хотела быть её новой Хозяйкой, — продолжала русалка, и Дрозд, расправив крылья, согласно пропел. — Обида на людей и неразделённая любовь толкнули меня в пламя. Я не хотела становиться русалкой, я была готова уйти в Морово Царствие... Но сие случилось со мной, потому что своё земное испытание я не прошла — я прыгнула на празднике Весны в костёр на глазах у своего бывшего жениха и его новой девы,

Яролики. — Марья смахнула слёзы. — Я хотела сделать им больно. Хотела испугать всех, кто смеялся надо мной, на том празднике. Хотела заставить страдать свою семью, что не жаловала меня, как я мыслила. — Русалка шагнула ближе к собравшимся. — Да, у меня получилось. Я видела их страдания и угрызения совести, когда стала русалкой. Я видела слёзы своей матери. Слёзы того, кого любила... Иван горевал обо мне, даже свадьбу решил играть позже. Только я тоже страдала: Тьма забирала мои память и чувства, и в душе остались только пламя, спалившее меня нестерпимой болью, ледяная злоба и желание всех заворожить, сбить с пути, чтобы они стали как я... — Марья помолчала. — А потом я встретила Светозара, и в его душе было столько Света, что я вспомнила... Я вспомнила, что когда-то была человеком. Я захотела стать берегиней — неупокоенной душой, но неупокоенной в Свету. — Марья вздохнула и тихо продолжила: — И теперь, чтобы вернуть Свет в свою душу, мне надо пройти куда более сложный путь, чем путь человека. И я готова отдать жизнь за спасение Леса, готова вернуться за Светозаром. Я не позволю мёртвой воде погубить Лес.

Неверие тишины Великой Поляны медленно сменялось состраданием — Марья чувствовала настроение детей Леса.

— И великое поражение может обратиться великой победой, и наоборот, — нарушил молчание Дреф. — Я собрал это Вече, дабы поведать о видении Индрика всем народам Леса. Мой ученик, которому Индрик явил грядущее, отдал жизнь, спасая русалку. Светозар знал, что, кроме обращённой к Свету нави, никто не сможет затушить огонь Юга. Мой юный ученик один с достоинством прошёл испытание Леса, несмотря на то что я, из-за страха, овладевшего моею душой, его не благословил. — Дреф немного помолчал и продолжил: — Так пройдем же мы все дарованное нам испытание. Поможем Марье собрать русалок и объединим все силы Леса — и Света, и Тьмы — перед предстоящей войной.

Теперь Марья чуяла сомнение, парившее над Вече: соглашаться со словами древнейшего лешего было страшно многим, но сулившее тёмное время будущее пугало не меньше.

— Я помогу тебе, Марья. — Иванка встала со скамьи и сердечно поклонилась русалке. — Я обещала во всём помогать сыну Леса Светозару. И если он отправился к Топи, спасая тебя, значит, помогая тебе, я помогаю не только Лесу, но и Светозару, — лешая внимательно смотрела на поклонившуюся ей в ответ Марью. — Ты теперь — дочь Леса, — продолжила Иванка, — как и я. И мой долг дочери Леса — помогать тебе и всему Лесу.

— Я тоже помогу тебе, — спрыгнул со скамьи маленький светло-бурый полевик. — Несмотря на то что я полевой леший, дух у меня силен, — уверенно проговорил Ватан. Марья поклонилась ему.

— Мы с Явихом тоже с тобой, Марья, — встал Айул; следом, взъерошив волосы, поднялся Явих.

— И Лый с вами, — пробасил бородатый бурый гаркун и положил на сердце лапу.

— Вилы чувят Тьму, русалка, — поднялась одна из сидевших на брёвнах вил. — Великая Светолика поверила тебе, да и я не вижу мрака. Сейчас не вижу. Но если ты оступишься, знай — вилы не посмотрят на жертву человека, и мы вернём тебя во Тьму, у нас есть такое Слово.

— Я не оступаюсь, крылатая, — холодно ответила Марья. — И не потому, что ты сказала так, а потому, что я сама решила, — вздёрнула подбородок русалка, и вила кивнула.

Следом за вилой пообещала помочь Марье одна из берегинь; поднимались другие вилы, лешие, и даже воинственный Ледогар, хоть и молчал, но смотрел на русалку не так сурово.

Когда почти все присутствующие выразили своё согласие, Дреф стукнул посохом оземь, и голоса стихли.

— Большинство собравшихся готовы помочь Марье, — заключил полевик.

— Но не все, — перебил его Йергал.

— Все никогда не бывают единодушны, — спокойно ответил Дреф. — Но решение Вече — решение большинства, а не всех, — с нажимом сказал князь Йолка, и Йергал недовольно рыкнул. — Я ручаюсь за неё, — добавил Дреф и перевёл взгляд на Марью: — Мы поможем тебе, дочь Леса, как и ты поможешь нам. Коли удастся тебе нарушить грань

между мирами и разжечь в неупокоенных душах Свет, мы последуем за тобой, — великий князь положил маленькую лапу на сердце, и Марья поклонилась ему. — Да поможет нам всем Индрик, Лес и его Песнь.

В предутреннем лесу царила сонная тишина: между высокими деревьями стелился серебряный туман; узор крон распускался кружевом по тёмному небу, словно древняя ворожба.

Дрозд опустился на тояг, и Марья остановилась, прислушиваясь: шёпот тишины походил на далёкую заупокойную песнь. Едва слышимая мелодия овевала студёным духом, парила вместе с туманом, отражалась в холодной росе, что, дрожа, звенела на редких травинках.

Дрозд вспорхнул, и Марья, едва касаясь земли ногами, обутыми в черевички из мха, подаренные ей берегинями, тихо шла на зов песни. Непривычное платье, данное вилами, и зелёный плащ леших мешали, но русалка старалась привыкать к одежде.

23

Музыка делалась громче, прекраснее: она пела о лесах и полях, о жарких степях и высоких горах, о бескрайних морях и быстрых реках... Но Марья не внимала видениям, которые её окружали, — она будто тень медленно ступала за Дроздом по лесу, и бубенцы на её тояге беззвучно качались.

Когда лес расступился, взору Марьи предстало небольшое озерцо, над водой которого водили хоровод русалки, а у берега плакали ивы. В тёмном часу навьи светились серебром, и их танец озарял непроглядный бор, что стеной окружал перелесье.

Марья крепче обхватила тояг и вышла к девам. Её дух обдало холодом, когда русалки остановили хоровод и обратили на Марью взоры своих мёртвых очей.

— Ты! — прошелестело над озером, и серебряный свет померк. — Как ты посмела к нам явиться?! — русалки подлетели к берегу.

За Девятое небо

Отвратительные создания из тьмы парили над кромкой воды — клонящиеся к закату луны тускло освещали мёртвых дев. Ледяной шёпот оплетал тёмным туманом, и холод сковал душу идущей к озеру Марья.

24

— Так и посмела, сестрицы, — постаралась уверенно ответить русалка и, сжав тояг, остановилась. Дрозд опустился на наверхие посоха.

— Вы слышали? — прошелестела одна из русалок. — Она нас сестрицами называет!

— Да какая она нам сестрица? — отозвалась другая.

— Никакая!

Сильный смех прорезал ночь.

— Каждая из вас сможет обратиться к Свету, если пожелает, — продолжила Марья. — Я пришла сказать об этом и попросить о помощи, — русалка положила на сердце руку.

— А где ты столько молодцев найдёшь, чтобы нас освободить? — просипела одна из дев, смех разразился с новой силой и превратился в вой.

— Вы и так свободны, просто не знаете об этом, — ответила Марья, когда вой затих.

— Разве?! — Одна из русалок, чёрная дева без глаз и руки, подлетела к Марье ближе, и дочь Леса едва не отпрянула от зловонного дыхания. Навь заметила это и дико рассмея-

лась. — Мёртвые не свободны, Марья, — прошептала навь, успокоившись. — Ты это знаешь. И ты знаешь, что никогда не сможешь стать берегиней, ведь Тьма в твоей душе сильнее Света, иначе бы ты сама в огонь не ступила. Иначе бы Топь тебя не забрала. Иначе бы ты не погубила Светозара.

Правда, сказанная навью, обожгла огнём. Пустые глаза умертвия смотрели со спокойствием, без злобы. Во тьме нави не было ничего — ни мук совести, ни мук любви. Во тьме были вечность и тишина.

— Видишь? — скрипела навь, протягивая Марье руку. — И ответить тебе нечего. Ты так мало в Свету, а уже по Тьме тоскуешь!

Навь продолжала протягивать свою обезображенную, в слизи, руку. Марья хотела, было, подать ладонь в ответ, но воспоминание о Светозаре, о его смерти, ослепило невыносимой болью, и Марья отпрянула от нави. Дрозд пропел, отогнав морок.

— Я готова и дальше терпеть муки Тьмы в Свету, — ответила Марья. — Как раньше терпела муки Света, будучи во Тьме.

— Пустые речи, — разочарованно прохрипела навь и отлетела к остальным русалкам, к воде. — Зачем явилась? — Обернулась и замерла.

— За помощью, — ответила Марья. — Грядёт великая битва с огнём, остановить который смогут только русалки. Если мы сплотимся и потушим огонь Хорохая, то спасём Лес и обратимся к Свету. Мы станем свободными и сможем пройти во Врата.

Русалки наклонили головы набок, внимательно смотря на Марью. Вода, над которой парили тёмные девы, сделалась похожей на чёрное зеркало. Тусклый туман, предвестник рассвета, парил над озером; дремучий лес замер в гнетущей тишине.

— Неужели ты так и не поняла, сестрица, что дороги в Свет нет, — нараспев просипели мёртвые девы, и над озером прокатилось эхо далёкого воя.

Марья вздрогнула и оглянулась: Тьма, застывшая между высокими деревьями, смотрела на неё, овевая холодом. За-

успокойный вой становился громче, окружал тоской и мраком. Мавки. Марья помнила, что они сделали со Светозаром. Страх полоснул русалочье сердце: Марья не была уверена в том, что у неё хватит сил противостоять Тьме. Дрозд пропел, стараясь успокоить дочь Леса.

Русалки, всё ещё парившие над озером, чуя страх Марьи, сипло рассмеялись, и Марья вздрогнула от их ледяного хохота, чем ещё больше раздражила навий.

— А говорила, будешь терпеть муки Тьмы! — пронеслось над озером.

— Буду! — разозлилась на себя Марья.

— Неужели тёмный страх так быстро пленил тебя? — всё не унимались русалки, хохоча.

Марья обернулась к лесу: ожившая Тьма, проскользнув клубами между сизых стволов деревьев, мчалась на неё стая волков. Обратни.

Дрозд, взлетев с тояга Марьи, запел, и его Песнь серебристым кружевом сплелась с тёмной паутиной заупокойного воя мавок.

Когда обращённые волки по велению русалок накинулись на Марью, та не стала сопротивляться. Марья закрыла глаза и тихо пела вместе с Дроздом, принимая всю боль когтей волколаков, как это делал Светозар. Русалка знала, что в ней нет столько Света, сколько было в душе сварогина, но благодаря Светозару знала она и то, что отвечать Тьмой на Тьму — никогда её не победить. Победить самую тёмную ворожбу можно только светом. Даже самым тусклым огоньком. Даже искрой тухнувшего угля.

Мавки повалили на землю Марью, выбили из её рук тояг, разорвали её шёлковый сарафан, но причинить вреда поющей деве они не могли — та, что умерла, вновь умереть не может.

Дрозд кружил над стаей волков, пытающихся разорвать русалку, и серебряное кружево птичьей Песни оплетало чёрных волколаков, сковывая их. И чем больше мавки пытались достать Марью, тем сильнее пленили их путы серебряной Песни.

Сквозь алое марево боли и закрытые веки Марья видела, как отступали мавки перед силой Песни. Но та Песнь была

не её — Марья лишь повторяла за Дроздом слова, что по своей природе не были словами, слова той Песни, что когда-то спел птице Светозар.

В русалке никогда не было столько силы... Эта непрошенная мысль прервала Песнь, и Марья увидела себя в огне. Огонь Хорохая, ревя неистовым пламенем, ослеплял и сводил с ума — он мог погубить даже то, что уже мертво. Марья видела свою смерть — она погибнет так же, как погибла на празднике Весны. Только её дух не сможет отправиться в Ирий, не сможет отправиться и к Морю — огонь Хорохая забирает даже посмертное бытие... И она никогда не спасёт Светозара.

Ужас накрыл ледяной волной, придавил лапами освободившихся от пут мавок: кружево серебряной Песни таяло, выпуская Тьму на волю.

Сквозь мрак и всполохи грядущего огня, сквозь вой разъярённых мавок и едва различимую серебряную Песнь Дрозда Марья услышала сиплый смех русалок. В том смехе не было ничего, кроме мрака. Мрака, что, опутывая душу леденящими словами, забирал к себе...

27

ГЛАВА 2

Тьма сгущается

Мухома Заяц, стоя в окружении свиты на главном причале Зайцевского порта, хмуро смотрел на прибывающие корабли: их было слишком много — всё войско Пяти Стольных Островов. Заяц знал, что скоро грядёт битва при Ровновольске, но знал он и то, что дружины не успеют к началу сражения прибыть на Юг.

Первыми причалили суда с обводами для ледового плаванья — они прокладывали путь по начинавшей замерзать воде.

Смеркалось; золотой огонь факелов рассеивал сизые сумерки, отражаясь от падающего снега, освещал прибываю-

щие корабли, играл на шлемах сходявших на землю витязей, золотил белые одеяния волхвов. Вечер полнился голосами людей и звоном доспехов. Торговцы и покупатели с большого базара, что теперь простирался от Зайцевского порта до почти отстроенной городской стены, толпились в порту, любопытствуя.

С тяжёлым сердцем князь Вольньского княжества смотрел, как в окружении свиты сходит с корабля великий военачальник Ворон.

В доспехах и плаще сухой и поджарый Ворон выглядел куда мощнее, чем обычно. Подойдя к князю, Ворон, положив на сердце руку, поклонился. Заяц ответил тем же.

— Да хранят нашу землю Боги, — прохрипел Ворон. Взгляд его был холоден и суров. — С рассветом мы отправимся в путь, по Великой Дороге дойдём до Ровновольска.

— Это великое испытание мы преодолеем только сообща, — согласился Заяц. — Мой дом — ваш дом. Людей у нас немного — только торговцы да рыбаки, оружие держать не умеем, но огнём обогреем да хлебом с солью встретим.

28

Ворон, зная, насколько Мухома Заяц близок к правящим дворам не только Солнцеграда, но и других княжеств, не стал требовать у него воинов. Десяток-другой рекрутов, который сможет набрать Вольнька, не стоят ссоры с таким человеком.

— Да поможет нам отец Сварог, — согласился Ворон и последовал за Зайцем и его свитой в город.

Заяц разместил Ворона и его приближённых в гостевых теремах княжеского двора; войско же расположилось как внутри крепостной стены, окружавшей Вольньку, так и вне её.

— Мы выступаем завтра на рассвете, — говорил Ворон. — Возгарь начнёт битву, а мы будем той силой, которая сокрушит оставшихся колосаев и отправит их туда, откуда пришли. Армия с Востока поможет нам в этом.

Ворон с другими высшими чинами войска, Мухома Заяц с Фросьей и дочкой Ясной ужинали в трапезной княжеского терема — просторном зале с расписными стенами и большим, накрытым белой скатертью столом. За окнами уже сгустилась синяя ночь; на столе горели свечи, наполняя бытие светом и теплом.

Мухома хмуро посмотрел на Ворона: предстоящая война внушала князю опасения. И то был не просто страх — неясное гнетущее чувство неизбежного возникало всякий раз, когда Мухома думал о будущем.

— Боги с нами — я уверен, Они не позволят колосаям захватить наши земли, — сказал Мухома Заяц.

— Конечно, не позволят, — подтвердила Фросья.

— Боги защищают нас! — тоненьким голоском добавила Ясна, и за столом тепло рассмеялись.

— Конечно, защищают, — кивнул хмурый Ворон. — Мы одержим победу. — Великий военачальник поднял кубок, но в душе не верил своим словам.

Низкое небо укрыло Солнцеград снегом, и статуя Перуна-защитника таяла в густых облаках. Снег застирал и порт Идру, что окружал монументальную столицу, ложился на тёмные покосившиеся домишки, робко жавшиеся друг к другу от холода на плавучих деревянных настилах; на стоящие со спущенными парусами сонные корабли, на великие мосты, соединяющие Солнцеград с другими стольными островами.

Холодный ветер пробирал до костей.

Веслав, стоя на носу «Ледогора», плотнее запахнул соборную шубу. Его не встречали: судов для ледового плавания в водах не было, несмотря на то что дозорные из Почётной Стражи Солнцеграда точно заметили возвратившийся корабль царя.

Его не ждали.

«Войска для битвы при Ровновольске собраны, — вспоминал царь последнее письмо Кудеяра, — Василиса пропала. Я велел витязям обыскать весь Солнцеград, но царицы нигде нет... Мне кажется, я отправляю птиц к Мору. Если вы не ответите, я прикажу волхвам отпеть о вас Песни и буду иметь полное право провозгласить себя царём. В военное время столица не может жить без правителя».

Хотелось кричать, но слова ледяным комом гнева застряли в горле.

Василиса пропала. Юг полыхал огнём войны. Кудеяра, скорее всего, короновали. Веслав не был в том уверен, но что-то ему подсказывало, что в Солнцеграде не дождались возвращения царя.

Когда ледовый коч пришвартовался у главной пристани столицы, ему навстречу никто не вышел: только темнели плащи воинов Почётной Стражи, что несли свой бессменный караул подле врат, да соколы-Рароги гордо взирали на прибывший корабль с высоты обелисков.

Веслав в окружении витязей сошёл на берег.

— Я прикажу стражнику, чтобы он доложил о вас в теремной дворец, — сказал один из дружинников Веславу. — Пусть пришлют...

Но царь не позволил договорить — поднял руку:

— К нам уже направляется дозорный отряд, — кивнул в сторону врат. Сквозь пелену снега можно было разглядеть приближающихся всадников.

— Но... — попытался возразить воин, и Веслав вновь пресёк его.

Царь расправил плечи и пошёл навстречу витязям: впереди всех на вороном коне ехал великий военачальник Почётной Стражи Мормагон — могучий, будто гора, воин.

Мормагон остановился недалеко от Веслава: даже сквозь пелену снега царь видел, как хмуро смотрел на него военачальник. И Мормагон даже не поклонился — так, кивнул только. «Да, месть Драгославу удаётся на славу», — с печалью и гневом бессилия думал царь, но тут же отогнал безрадостные мысли.

— Почему не выставили дозорных? — спросил Мормагона Веслав. — Почему опоздали? И где наместник?

— Выставили, — рыкнул военачальник. — Царь Кудеяр ожидает вас. — Мормагон кивнул одному из витязей своего сопровождения, и Веславу подали лошадь.

— Царь? — опешил один из дружинников Веслава, но Веслав жестом остановил сварогина и молча оседлал коня.

— Следуйте за нами, — пробасил Мормагон и направил лошадь в Солнцеград. — Царь ожидает вас в престольной.

Пепельные заснеженные улицы были безмолвны — только отряды витязей несли бессменный караул. Воины смотрели на вернувшегося Веслава — сквозь пелену непогоды царь не видел их глаз, но чувствовал их полный осуждения взгляд — даже то, что он так много сил и казённых средств тратил на армию, забылось в свете последних событий. И думал Веслав, что на месте подданных он бы тоже осуждал такого царя.

Сизый свет зимнего дня, лившийся сквозь мозаичные окна, охлаждал престольный зал: разливался по распалубкам свода, украшенным рунами Сварога, по распустившемуся на потолке Краколисту; тускло освещал капии Богов, что располагались за царским местом, и сливался с лазурным огнём-Сварожичем, зажжённом в огнивицах подле капиев.

На троне восседал Кудеяр. В алом плаще, подбитом горностаевым мехом, и в короне, что, как отметил Веслав, была Кудеяру к лицу. Веслав горько усмехнулся своим мыслям и, расправив плечи, подошёл к царскому престолу.

Кудеяр успел вернуть прежние традиции — трон был один, и царицы Любавы на приёме не было. Подле Кудеяра и окружающих его царских витязей находились Великий Волхв Далемир, военный советник Здебор, царский веденей Станимир, военачальник флота Инагост, веденей Яромир и даже Гоенег с Белозёром, которые с сочувствием, граничащим с ужасом, смотрели на Веслава. Веслав видел, как старенький Белозёр вытер слезу, но даже он не смел перечить Кудеяру и подойти к Веславу. Во взгляде Гоенега, отца Василисы, Веслав заметил холодную злость.

— Быстро же ты, однако, занял трон, — вместо приветствия усмехнулся Веслав, переводя взор на Кудеяра. — Такой честной службой и преданностью ты отплатил мне за то, что я помиловал тебя после Десятины Полоза?

Взгляд Кудеяра оставался ледяным.

— Я тебе оставался верным, — бесстрастно отвечал Кудеяр. — Предал себя ты сам. Как и предал весь род человеческий, объявив Ния союзником и покинув столицу во время войны! — Кудеяр сжал от гнева кулаки. — Я не буду служить предателю. Даже если это будет стоить мне головы.

— Запад освобождён. — Веслав шагнул ближе к трону, но витязи Кудеяра угрожающе положили на мечи руки, и бывший царь, усмехнувшись, остановился.

— Но какой ценой? — нахмурился Кудеяр. — Почти весь флот Сваргореи, оставшийся после отбития основных сил на Юг, затонул! Отправлять столько сил на Запад было неразумно, Веслав, — слова царя звучали в гробовой тишине. — Флот погубил Ний — морской князь, что служит Полозу, как бы ты ни полагал иное. И после того, как этот Ний разрушил Запад и потопил флот, ты объявил его... — Кудеяр продышался, но сдержать себя не смог и гневно прорычал: — Союзником! Ты решил, что слуга Полоза наш союзник! — гневался царь. — Ты отправился к нему, оставив и престол, и жену в такое время!

32

— Хватит! — крикнул в ответ Веслав. Кудеяр умолк, но продолжал гневно взирать на Веслава. Во взгляде царя была сила, и видел Веслав, что придворные искренне поддерживали Кудеяра. Наверное, они все полагали, будто Веслав лишился рассудка, отправившись к врагу. — Ний покинул воды Запада. Острова освобождены.

— Я уже слышал это, Веслав, — разочарованно проговорил Кудеяр. — Ты ждал почести герою? — царь покачал головой. — На Юге идёт война — со дня на день грянет битва. Наши армии возглавляет Возгарь. Казна почти пуста, голод стоит у ворот, а ты сгинул без вести, отправившись к врагу, которого объявил союзником.

— Не так долго меня не было, а ты уже занял трон, — горько ответил Веслав.

— Будь по-твоему, — пожал плечами Кудеяр и, спустившись с престола, указал на трон Веславу: — Царское место — твоё. А меня можешь казнить как предателя, — усмехнулся. — Я даже Возгаря не оповестил о том, что правлю нынче, дабы

не подрывать его боевой дух. Ему сообщит об этом Ворон. Отправляю военачальнику бересту, что ты вернулся.

— Пусть решит народ, кому из нас царствовать, — гневно сказал Веслав, и Кудеяр рассмеялся.

— Я полагал, ты не желаешь публичного позора, — ответил он. — Я же уступаю трон добровольно, разрешаю себя казнить, а ты даже этого не хочешь? — развёл руками Кудеяр. — Что же ты за царь тогда...

Веслав с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на Кудеяра с мечом. Но в словах его бывшего наместника было слишком много правды, что не давала Веславу двинуться с места: он знал, что люди не выберут его. Знал, что совет веденеев, как и волхвы, был рад воцарению Кудеяра. Даже дружина, которую он так хорошо содержал, повиновалась новому царю, будто Слову Кощея. Веслав знал, что всё будет напрасно. Он проиграл в этой битве Драгославу, который чужими руками отобрал у него всё. Даже любимую, вспоминающая о которой сводили с ума... Что же с ней стало?

— Василису так и не нашли? — спросил Веслав, обедая присутствующих взглядом.

— Я думал, наш разговор ты начнёшь с вопроса о жене, — ответил Кудеяр, и Веслав, не выдержав, выхватил из ножен меч. Стража Кудеяра и витязи Веслава тут же метнулись к Веславу, но царь остановил сварогинов движением руки и, обнажив меч, отбил им выпад Веслава.

— Если хочешь решить вопрос, как в былые времена, давай, — уверенно ответил Кудеяр и, отразив очередную атаку разъярённого Веслава, скинул с плеч царский плащ. — Самый древний и надёжный способ. — Царь сам атаковал Веслава.

Веслав отчаянно сражался, будто на войне, но Кудеяр был ловким и умелым воином и, несмотря на года, уверенно теснил Веслава. Но бывший царь не сдавался: злость и отчаяние, захватившие сердце, не позволяли остановить поединок. Веслав бился за Василису — за то, что оставил её. За то, что не смог уберечь. За свою любовь, которую потерял, как ему казалось, навсегда. Бился за трон, которого лишился, поддавшись страху. За названного отца, за его печальные глаза, полные и радости, и разочарования. Бился за погибшую много

лет назад семью — за отца, мать и сестру, что помогала ему даже после смерти. Бился за то, что не оправдал их надежд. Бился со злостью на себя, за своё малодушие, за страх, что мешали следовать пути. И только когда лезвие меча вспорол атлас платья Кудеяра, Веслав остановился, поражённый содеянным, — друга убить он был не готов. Но этого мгновения Кудеяру было достаточно, чтобы выбить из рук Веслава меч и повалить бывшего царя на пол.

— Ты не готов сражаться за трон, — тяжело дыша, говорил Кудеяр. — Ты не готов убить меня, чтобы забрать то, что принадлежит тебе по праву. Ты полон страха, — Кудеяр приставил к горлу Веслава меч, — но я тоже не могу убить тебя, — через некоторое время признался он. — Я обязан тебе жизнью — ты не казнил меня, как слугу Драгослава. Теперь, полагаю, мы квиты. — Кудеяр убрал меч в ножны и отошёл от Веслава.

Воины из свиты Кудеяра тут же подняли его плащ и подошли к нему, помогая одеться.

34

— Трон твой, — громко проговорил Веслав, поднявшись, и Кудеяр обернулся. Царские дружинники закрепили на плечах Кудеяра плащ и отошли. — И не потому, что я проиграл. Я покидаю столицу.

— Снова? — не удержался Белозёр и шагнул к Веславу. — Но ты же только вернулся...

— И куда ты на этот раз собираешься? — нахмурился Кудеяр. — Ты знаешь ещё одного союзника?

— Я отправлюсь искать Василису, — уверенно ответил Веслав, поднял меч и убрал его в ножны.

— Моя дочь ушла в капище к Богам и не вернулась, — печально сказал Гоенег, холодно смотря на Веслава. — Там озеро... Оно ещё не было сковано льдом... — Гоенег смахнул навернувшиеся слёзы.

Слова Гоенега обдали ледяным ужасом... Они все решили, что Василиса добровольно наложила на себя руки... Нет. Этого не может быть.

— Вы полагаете, что она умерла?! — гневно спросил Веслав.

Гоенег отвернулся.

— Сын... — едва слышно прошептал Белозёр.

— Василиса жива, и я знаю, где она! — прокричал Веслав, с трудом справляясь с волной накатившего ужаса. Гоенег посмотрел на Веслава тёмным взором и покинул престольный зал, поклонившись Кудеяру.

— Я знаю, где она, — повторил Веслав и, переведя взор на Кудеяра, уже спокойнее сказал: — Я заберу только коч «Ледогор» и тех витязей, с которыми плавал к Нию. — Веслав кивнул на свою свиту, стоявшую поодаль. — Правь, Кудеяр, Сваргореей и дальше, ведь ты всегда об этом мечтал, а я никогда не хотел царствовать.

— И куда ты отправишься? — хмуро спросил Кудеяр.

— Тебя это не касается, — ответил Веслав и, помолчав, сказал: — У меня к тебе есть разговор. — Веслав выдержал паузу, внимательно смотря Кудеяру в глаза. — Только к тебе.

Кудеяр кивнул и велел всем покинуть тронный зал. Веслав обратил внимание, что никто, даже Великий Волхв не проронил и слова. Все покорно принимали волю Кудеяра, не смели перебивать его или перечить ему — Кудеяр, несмотря на то что происходил из простого рода, был истинным царём, а не молодцем в короне.

— Ну, что же ты желаешь мне поведать? — спросил Веслава Кудеяр, когда они остались одни.

— Ты теперь царь, и оно — твоё. — Веслав вынул из кармана перстень, данный ему Нием, и передал его Кудеяру. Царь с удивлением принял кольцо. — Когда орда подойдёт к столице, прочти написанное на внутренней стороне перстня, и тебе явится помощь.

— Только не говори мне, что у тебя хватило ума заключить с Нием союз, — скривился Кудеяр, глядя на кольцо.

— Да, — кивнул Веслав, и Кудеяр полным ледяного гнева взором посмотрел на него. — Но ту клятву давал царь, а не рыбак из глухой деревни, коим я вновь стал. Дать клятву Нию было единственной возможностью освободить Запад, — продолжал Веслав, и Кудеяр устало вздохнул. — Теперь корона — твоя. И клятва — тоже.

— Что ты ему обещал? — со злостью процедил Кудеяр, испепеляя Веслава взглядом.

— Что люди придут на помощь Нию и морскому народу, когда придёт время, — ответил Веслав. — И он пообещал то же самое.

Кудеяр некоторое время молча смотрел на Веслава, но не выдержал и захохотал.

— И ты ему поверил? Поверил тому, кто погубил стольких людей и уничтожил Велейные острова?

— Морской Князь говорил правду. — Веслав подавлял гнев всеми силами. — И он действительно нам не враг.

Кудеяр, смотря на Веслава, качал головой:

— Ты и правда нездоров, — тихо сказал он. — Происходящее лишило тебя разума... Поверить слуге Полоза!

— Ний не слуга Полоза! — разолился Веслав.

Кудеяр устало покачал головой и, отвернувшись, медленно пошёл к трону.

— Знаешь, мне думается, на тебя наслали ворожбу, — проговорил царь, не поворачиваясь. Он медленно поднялся по ступеням и сел на престол. — Плыви куда хочешь. — Кудеяр посмотрел на перстень Ния. — И его забирай с собой вместе с титулом князя, Веслав. — Царь кинул Веславу перстень, и кольцо со звоном упало на пол.

— Я его не заберу, — покачал головой Веслав. — Оно принадлежит царю Сваргореи, а не князю. — Веслав поклонился Кудеяру и покинул престольный зал, оставив перстень на полу.

36

Подле дверей престольного зала Веслава ждали Белозёр и Яромир.

— Откуда тебе известно, где Василиса? — Белозёр шагнул навстречу вышедшему Веславу.

Но бывший царь молча пошёл по теремному дворцу к своим покоям. Белозёр и Яромир последовали за князем и его витязями.

— Не молчи, Веслав! — Белозёр коснулся руки названного сына. — Я отправляюсь с тобой!

Веслав остановился и внимательно посмотрел на рыбака. Золотой огонь свечей, закреплённых на багряных стенах палат, освещал морщинистое старческое лицо и глаза, смотревшие с отцовской любовью.

— Ты мне всё равно не поверишь, — горько ответил Веслав, глядя на Белозёра. — И за Василисой я отправлюсь один.

— Я переживаю за тебя, сын. Ты только вернулся, а уже отправляешься искать мёртвую...

— Василиса жива! — гневно прикрикнул Веслав, и Белозёр вздрогнул. — Что бы ты ни думал, отец, я без Василисы не вернусь.

— Сын... — ахнул Белозёр.

— Да, отец. — Веслав хмуро смотрел на старенького Белозёра. — Без неё мне здесь нечего делать. И смысла жить без неё я не вижу.

— Веслав, ты... — начал, было, Яромир, но Веслав поднял руку, и веденей умолк.

— Я совершил слишком много ошибок, — ответил Веслав другу. — Я был никчёмным царём — я это знаю. Я понимал, что выделяемые на дружину средства оседают в карманах высших чинов, но поделаться ничего не мог. Я знал, что Запад был западней, но у меня не хватило смелости не отправлять туда войска. Я поверил Нию. Но самой главной моей ошибкой было то, что я потерял Василису. Если бы я взял её с собой, если бы остался с ней — она бы не пропала... — Веслав тяжело вздохнул и обвёл родных взглядом. — И я найду её, чего бы мне это ни стоило, — сказал он твёрдо. — А царём пусть будет Кудеяр: на приёме стояла гробовая тишина, говорил только он. Даже Великий Волхв не проронил и слова. Кудеяр — ваш истинный правитель. Слушайте его, а обо мне не беспокойтесь.

— Сын... — Белозёр не выдержал, подошёл к нему и обнял. Веслав положил руки на сухие старческие плечи. — Я очень боялся, что больше не увижу тебя, — прошептал старик, отстранившись. — Очень...

— Мы переживали все, — пробасил Яромир. — Кудеяра короновали потому...

Но Веслав перебил веденей:

— Я не осуждаю вас за коронацию нового царя. Но я рад тому, что вы не забыли обо мне, — ответил бывший царь честно. — Когда я вернусь с Василисой, мы отправимся жить в Вольньку.

— Ты так и не скажешь мне, куда поплывёшь? — не оставляя попыток Белозёр.

— Я не могу, — покачал головой Веслав, думая о том, что, если он скажет, что отправляется в Мёртвый Град к Колодцу, который Василиса видела во снах, его точно сочтут сумасшедшим. — Но я найду её, отец. — Веслав внимательно смотрел в старческие глаза. — Клянусь перед Богами и своей почившей семьёй.

38

— Ты слышал, говорят бывший царь вернулся! Представляешь?! Веслав Первый прибыл сегодня на корабле! Его встретил Мормагон, а не новый царь Кудеяр! — Борислав аж раскраснелся. — Интересно, кто теперь нашим царём будет? Как думаешь? Кто останется на троне? Или будет междоусобица?

Ратибор вздохнул и устало посмотрел на Борислава, что сидел за столом рядом. Борислав от возбуждения даже забыл о еде.

— Я думаю, будет царствовать Кудеяр, — ответил Иван с набитым ртом. — Что это за царь такой, что в военное время оставляет столицу, направляясь к врагу, которого считает союзником?

В общей трапезной казармы ужинало много народу: и новобранцы, и бывалые воины. Тёплый свет свечей играл на деревянных стенах, на тёмных одеждах сварогинов, отражался от столовых приборов. За окнами протяжно выла вьюга.

— Кто тебе сказал, что Веслав Первый считает Ния союзником? — нахмурился Ратибор, глядя на расположившегося напротив Ивана.

Иван пожал плечами.